

В.Н. ДЁМИН,
доктор философских наук, член Союза писателей России

ДРЕВНИЕ КАРТЫ СЕВЕРА — ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ?

Поразительное письмо пришло в Оксфорд в 1580 году от самого знаменитого картографа всех времен и народов — фламандца Герарда Меркатора (1512—1594). По существу это была инструкция для английских мореплавателей, отважно штурмовавших в те времена Северный Ледовитый океан и полярную Евразию в поисках водного пути в Китай, Индию и другие заморские страны в обход блокады, установленной повсюду тогдашними владычицами морей — Испанией и Португалией. В письме Меркатора, в частности, говорилось:

*«...За островом Вайгачом и Новой Землей сейчас же простирается огромный залив, замыкаемый с востока мощным Табинским мысом. В середину залива впадают реки, которые, протекая через всю страну Серику [Китай. — В.Д.] и будучи, как я думаю, доступны для больших судов до самой середины материка, позволяют легчайшим образом перевозить любые товары из Китая <...> и других окрестных государств в Англию. <...> Что существует громадный выдающийся к Северу мыс Табин, **я твердо знаю** не только из Плиния, но и из других писателей и **некоторых карт, правда грубовато начертанных** [подчеркнуто мной. — В.Д.]. Я выяснил из достоверных магнитных наблюдений, что магнитный полюс находится не очень далеко за Табином. Вокруг этого полюса и вокруг Табина много скал, и плавание там очень трудно и опасно».*

Очень любопытные факты сообщает Меркатор! Особенно интересны сведения относительно «грубовато начертанных карт» (скорее всего, древних), где подробно изображены материковые и островные земли за Полярным кругом. Откуда попали к Меркатору эти карты? Возможно, из тех же тайных источников, где столетием раньше узнал о маршруте к Новому Свету через Атлантический океан Христофор Колумб. Первооткрыватель Америки отправился в обессмертившее его плавание отнюдь не по наитию, а располагая сведениями, добытыми из секретных архивов. В XX веке достоянием ученых и читающей публики стала карта, принадлежавшая некогда турецкому адмиралу Пири Рейсу: на ней изображена не только Южная Америка в границах, еще не открытых европейцами, но и Антарктида. По единодушному мнению экспертов-археографов, уникальная карта является подлинным документом и датируется 1513 годом.

Пири Рейс жил в эпоху Великих географических открытий и прославился тем, что наголову разгромил объединенный венецианский флот, до этого считавшийся непобедимым. Однако в следующий раз турецкий адмирал был уличен в получении баснословной взятки от коварных венецианцев и казнен по велению султана. Хотя сам владелец уникальной карты далее Средиземного моря никогда не плавал, его конкретные картографические знания намного опередили не только Колумба, Васко да Гаму, Магеллана и Америго Веспуччи, но и открытие русскими мореплавателями Южного материка, сделанное Беллинсгаузенем и Лазаревым только в 1820 году. Откуда же почерпнул сведения турецкий адмирал? Сам он секрета из этого не делал и на полях своего портулана собственноручно начертал, что руководствуется

древней картой, созданной еще во времена Александра Македонского. Вот он — один из возможных источников древнего географического знания!

Одновременно Пири Рейс выводит на чистую воду и Колумба. Оказывается, легендарный мореплаватель, чье имя давно стало нарицательным, пользовался секретными сведениями, о которых предпочитал умалчивать: "Неверный по имени Колумбо, генуэзец, открыл эти земли [имеется в виду Америка. - В.Д.]. В руки названного Колумбо попала одна книга, в которой он прочитал, что на краю Западного моря, далеко на Западе, есть берега и острова. Там находили всевозможные металлы и драгоценные камни. Вышеназванный Колумбо долго изучал эту книгу..." К сожалению, северная часть карты Пири Рейса до сих пор не найдена. Не удивительно, если она окажется идентичной тому, что позже начертил Меркатор. Ибо отец современной картографии также составил карту Арктики, где с подробностями, достойными удивления, изобразил легендарную Гиперборею и другие в те времена еще неизвестные полярные территории.

Уместно предположить, что на тайной карте, упоминаемой в инструкции английским капитанам, речь идет о временах, когда древняя Гиперборея, частично погрузилась на дно Ледовитого океана, оставив в районах, близких к магнитному полюсу, массу островов. На карте Меркатора, в соответствии с современными представлениями, изображен также и Кольский полуостров. "Экая невидаль!" - скажет кое-кто. А вот и нет! В XVI веке географические знания о Северной Европе и, соответственно, ее картографические изображения были более чем приблизительны. В "Истории северных народов" и знаменитой "Морской [северной] карте", составленной в первой трети XVI века шведским ученым Олаусом Магнусом, Кольский полуостров описан и изображен, как сомкнутый обоими концами с материком перешеек между Ледовитым океаном и Белым морем, а то, в свою очередь, представлено как *внутреннее озеро* и помещено чуть не на месте Ладоги. Так что поклонимся в очередной раз великому Меркатору и безвестным древним картографам, на знания которых он, безусловно, опирался.

Кроме того, опираясь на древние знания, Меркатор смело вычерчивал на своей знаменитой картах пролив между Азией и Америкой. По традиции он именовался *Анианом* и располагался напротив одной из рек пересекающих Гиперборею, изображенной не менее тщательно. Задолго до реального открытия пролива русскими мореплавателями он уже обозначен на многих европейских картах. В XVI веке, помимо Меркаторовой карты *Аниан* можно увидеть на картах Себастьяна Мюнстера, Баттисты Аньезе, Джакомо Гастальди, Болнини Зальтерио и Абрагама Ортелия. На данные свидетельства ориентировался и Петр Великий, почерпнувший сведения о проливе *Аниан* во время своего путешествия по Европе. Уже тогда Преобразователь России задумал снять покров тайны с недосыгаемого пролива и проложить путь русским кораблям из Ледовитого океана в Тихий. В разговоре с одним из своих ближайших сподвижников еще по «потешному полку», генералом-адмиралом (было такое звание в петровскую эпоху) Федором Матвеевичем Апраксиным Петр I заявлял:

«... На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Огородя Отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее

голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»

Не меньший интерес представляет другой географический фантом — мыс *Табин*, точно магнит притягивавший первооткрывателей со времен античности и описанный еще в «Естественной истории» Плиния Старшего. Англичане (как, впрочем, и голландцы) очень серьезно отнеслись к информации, исходящей от Меркатора. Быть может, они и сами располагали подобными сведениями, считавшимися в те времена сверхсекретными. Уж больно настойчиво штурмовали английские капитаны непроходимые льды Северного Ледовитого океана, попутно занимаясь активным шпионажем в пользу английской короны. Судя по настырности, с коей англичане стремились попасть именно в устье Оби, они опирались на какую-то уникальную информацию, касающуюся возможности прохода в Китай не вокруг Азии, а прямо по рекам. Как ни странно, сие является не досужим вымыслом, а реальным фактом. Действительно, если взглянуть на карту, нетрудно убедиться в том, что главный приток Оби — Иртыш — берет свое начало именно в Китае. Здесь, под названием Черного Иртыша, он с востока на запад пересекает Синьцзян-Уйгурский район и после впадения в казахстанское озеро Зайсан становится Иртышом; далее — Сибирь, впадение в Обь и, пожалуйста, — прямой путь в Ледовитый океан. Однако попасть в Китай подобным образом можно, только водя пальцем по карте: в истоках своих (Черный) Иртыш не судоходен, а плавание против его течения на больших парусных кораблях более чем проблематично. Англичан, однако, все это нисколько не пугало и тем более не останавливало: располагая абстрактной информацией про то, что Китай речным путем связан с Ледовитым морем, они намеревались убедиться в этом собственными глазами.

Откуда могла взяться такая безапелляционная уверенность? Не породили ли ее все те же древние засекреченные карты? Ведь согласно им, в Ледовитом океане возможно активное мореплавание. Кого именно? Безусловно, в том числе и тех, кто когда-то грубовато начертил таинственную карту, имевшуюся в распоряжении Меркатора. Но когда? А вот это, действительно, проблема! Раз во времена составления карты можно было свободно плавать по Ледовитому океану в окрестности магнитного полюса, значит сама карта ни в коем случае не относилась к Новому времени, а отображала несравнимо далекую эпоху, когда климат был иным и свободное плавание действительно было возможно. Меркатор последнего обстоятельства не знал, то есть он считал, что в XVI веке проход на Восток по Северному морскому пути также свободен, как сотни или даже тысячи лет назад. Потому-то он с такой уверенностью **дезинформировал** тех, кто отправлялся на поиски северо-восточного прохода. И полярные капитаны тоже не сомневались, что вот еще немного, еще чуть-чуть — и непреодолимые льды отступят, и перед ними откроется свободный для дальнейшего плавания океан.

Но действительность оказалась намного страшнее, чем мог предполагать и сам Меркатор, и те, кто вступал в неравное противоборство с ледяной стихией. Судьба Виллема Баренца (1550—1597) — лучший тому пример. Голландцы так же страдали от испано-португальского блокирования торговых путей на Восток, как и англичане. А потому денег, людей, кораблей и усилий на поиски северо-восточного прохода в Индию и Китай не жалели. А упорства и энергии им было не занимать. Всего было предпринято три попытки штурма Ледовитого океана.

Баренц был всего лишь штурманом экспедиции из семи высококлассных голландских парусников, которыми командовал настоящий адмирал — Корнелий Най. Но что-то сегодня никто не знает, кто такой Най. Такого имени нет на арктических картах. Зато Баренцево море знают все. Ни один из участников экспедиции — от адмирала до юнги — ни на минуту не сомневался, что, двигаясь вдоль северного побережья Евразии, им удастся рано или поздно достичь Китая или Японии. Ибо Баренц обладал картой, где четко и недвусмысленно был обозначен пролив, отделяющий Евразию от Америки. Всё тот же Аниан! Соответствующая часть карты Баренца с переведенными на русский язык названиями приводится в моей статье. По расчетам Баренца, до прохода к Тихому океану было совсем недалеко. Возможно, Баренц пользовался и вышеприведенной информацией Меркатора, ибо на его карте магнитный полюс обозначен именно там, где предсказывал великий фламандский картограф. Быть может, Баренц даже видел таинственные «грубо начертанные карты» или, по крайней мере, слышал о них.

Однако в экстремальных условиях Севера любое «рано» имеет шанс очень быстро превратиться в ускользающее «поздно». Но в этом предстояло еще убедиться, как говорится, на собственной шкуре. В ходе двух плаваний 1594 и 1595 годов голландцам удалось обследовать акваторию, названную впоследствии Баренцевым морем — от Шпицбергена до Новой Земли и острова Вайгач. Льды и ранняя зима мешали достижению главной цели экспедиции и каждый раз заставляли возвращаться назад. Вновь открытые северные земли (например, остров Медвежий) являлись слабым утешением двухлетним странствиям. Баренц жаждал лишь одного — пробиться в восточном направлении. Как и Меркатор, он нисколько не сомневался, что свободный проход существует. Но ему, как и Меркатору, не приходило в голову, что арктические сведения, скорее всего, относились к очень отдаленной гипербореической эпохе, когда климат был совсем другим и воды Ледовитого океана, действительно, могли быть проходимыми для больших и малых судов. Иначе почему так упорно Баренц двигался не только на Восток, но и на Север, пытаясь обогнуть гигантскую природную баррикаду — почти тысячекилометровую Новую Землю?

Голландский корабль сумел обойти остров с севера, но тотчас же попал в ледяную ловушку: уже в конце августа он был затерт льдами. Начался апокалипсический кошмар. Льды так сдавливали судно, а его обшивка так трещала, что, по воспоминаниям уцелевших участников экспедиции, у них волосы становились дыбом. К счастью, корабль со всеми припасами не ушел на дно — его просто выдавило на лед. Необходимо было думать о зимовке. Голландцам крупно повезло: берег оказался усеянным стволами деревьев, занесенными сюда течением из Сибири. Хватило и на постройку дома и, главное, на его отопление. Очень досаждали белые медведи, но и они были нипочем отважным голландцам.

Чтобы узнать доподлинно, что такое полярная ночь и арктическая зима, нужно было кому-то хотя бы однажды пережить это самим. Во всемирной истории путешествий такими «первооткрывателями» оказались Баренц со своими спутниками. Незаметно подкрался и другой смертельный враг полярников всех времен — цинга. Осознал ли Баренц, что в его так хорошо продуманные планы и расчеты вкралась ошибка? Умом — вряд ли! Как истинный сын своего времени он был рационалист и в любом — даже в безвыходном случае — отдавал приоритет разуму, полагая, вероятно, что

хорошо обоснованная теория обязательно должна получить подтверждение на практике. Хотя суровая полярная действительность, осатанелая стужа, многомесячная ночь, непроходимые льды, сбивающий с ног ветер, бескормица и цинга — свидетельствовали совсем о другом и обязывали корректировать радужные надежды. Однако по духу своему и складу характера Баренц был типичным пассионарием: он непреклонно стремился к поставленной цели и увлекал за собою других. А Север только усиливал пассионарные задатки первопроходцев. Даже однажды полученный полярный заряд может навсегда обусловить человеческое бытие и существование. Лучшее подтверждение тому — жизнь и судьба многих полярных первопроходцев — русских и европейских.

Из породы таких пассионариев был и Виллем Баренц. Для таких ничего не значила ни опасность, ни даже смерть. Когда, наконец, наступил полярный день, Баренц и его спутники решили бросить застрявший в ледяных торосах корабль и выбираться с Новой Земли на двух шлюпках. Голландцев оставалось пятнадцать человек. Перегруженные людьми и скарбом утлые суденышки медленно продвигались на веслах по беспрестанно штормившему океану. Цинга давно уже подкосила бесстрашного командора. Смерть приближалась неумолимо, но он уже шагнул в бессмертие. Баренц умер с роковой картой в руках, ставшей по существу причиной гибели его самого и всех его надежд. Последний взгляд умирающего был обращен на Восток к скрытым за горизонтом, так и ненайденным фантастическому мысу Табин и проливу Аниан. До последнего вздоха бесстрашный голландец продолжал свято верить, что желанный пролив где-то совсем рядом. Знал бы он, сколько еще времени, титанических усилий и людских жизней потребуется, прежде чем такие же пассионарии, как непреклонный голландец, достигнут оконечности Азии. И все же Русский Север больше не видел иностранных героев, равных Баренцу по целеустремленности и отваге.

Окончательное покорение северных просторов осуществили русские первопроходцы. И первым, кто достиг таинственного пролива Аниан (получившего впоследствии имя русского командора Витуса Беринга) был казак Семен Иванович Дежнев (ок. 1605 — 1673). Он стал первым, кто в 1648 году — спустя почти полвека после экспедиции Баренца — открыл пролив между Азией и Америкой. В донесении Семейки Дежнева, как он сам себя прозывал, сказывается:

«И носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволею, и выоросило на берег в передней конец за Анандырь реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анандыры реки ровно десять недель и попали на Анандыр реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы, бедные, врознь разбрелись. <...>

А с Ковымы [Колымы] реки итти морем на Анандыр реку есть нос, вышел в море далеко: а не тот нос, которой от Чухочы реки лежит, до того носу Михаило Стадухин не доходил. А против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчы, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб. А лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с рускою сторону носа признака: вышла речка, становье тут у чухочь делано, что башни из кости китовой.»...

«Нос, что вышел в море» из докладной русского казака и есть тот мыс — оконечность Азии (быть может, даже легендарный Табин из Плиниевой

«Естественной истории»), — который нынче по справедливости носит имя Семена Дежнева. Сегодня это даже трудно представить: двадцать пять человек на коче, то есть на большой, открытой всем ветрам, лодке. Под конец их осталось всего двенадцать (как в знаменитой поэме Александра Блока) — нагих и босых, без воды и пищи. А это, между прочим, Арктика и Северная Азия — от устья Колымы до устья Анадыря. Полярное солнце греет слабо, да и того почти не видно. Топлива и пристанища никакого. Куда ни глянь — плавающие льдины. Снег на берегу тает очень медленно. В нем и пришлось ночевать и прятаться от ветра отправленным в разведку: охотники-поисковики так обессилили с голоду, что не в силах были вернуться к ладьям. Кругом океан, а рыба не ловится. Чукчи («чухочьи люди») и другие аборигены настроены враждебно. Русских разведчиков накрыли и вырезали так, что вообще никаких следов не осталось. Самого Дежнева подстрелили из лука чуть ли не до смерти (правда, это уже были не чукчи, а юкагиры).

Но, как говорится, — ни шагу назад! Только вперед — навстречу неведомому! За что страдали русские люди? Да за нас с вами! Так уж судьба распорядилась. Другого ответа нет и быть не может. Откуда такая целеустремленность? Да все оттуда же — из биосферы и ноосферы, которые — помноженные на электромагнитную, торсионную и иную энергетику сибирской земли — приводят к пассионарной «вспышке» в душе вожакого, а он уж «заражает» свое окружение. В совокупности это составляет то, что принято называть судьбой или предопределенностью, коих, как известно, избежать невозможно. Быть может, в середине XVII века в районе Восточной Сибири сама геокосмическая обстановка сложилась столь благоприятным образом, что породила не одного а сразу несколько вожаков-пассионариев, которые довели до конца дело, начатое Ермаком и подвели черту под важнейшим этапом геополитической истории России, обеспечив тем самым в основных чертах ее нынешние северные и восточные границы.

Русские первопроходцы-пассионарии, начав однажды движение на Восток, уже не могли остановиться, пока не достигли Тихого океана. Но и он не стал препятствием или последним рубежом. Впереди их ждало и манило западное побережье Америки, и оно вскоре — от Аляски и Алеутских островов до самой Калифорнии — почти на полтора века также стало русским. Может, в самом деле само солнце, каждый раз встававшее на Востоке, точно магнитное железо, притягивало русских землепроходцев и мореплавателей? А что — с точки зрения гелиобиологии, гелиофизиологии и гелиопсихологии ничего сверхестественного в подобном предположении нет. Солнце активизирует поведение не только отдельных особей и индивидов, но и целых сообществ. И Мать-Земля там, где нужно и когда это становилось необходимым, подпитывала избранных судьбы, как подпитывала некогда своего сына — титана Антея. Сибирская же земля и Российский Север сподвигли на вселенское продвижение вперед целый народ.

Опубликовано в журнале «Мир Севера» за 2000 год, № 3.